

Лу Цзинъян тихо усмехнулся, держа в зубах сигарету, и расстегнул две верхние пуговицы рубашки. Гладкие черные волосы спадали на лоб. Когда Цяо Ли вошла с документами, она увидела именно эту картину: обворожительный мужчина с легкой улыбкой на лице. Она тут же приложила руку ко лбу, ей захотелось опереться на стену и сыграть героиню дорамы. Каждый день видеть перед собой такого идеального мужчину и не иметь возможности к нему прикоснуться — настоящее мучение для зрелой женщины...

Лу Цзинъян поднял голову и посмотрел на Цяо Ли. На его лице играла улыбка, казалось, даже черные глаза наполнились теплотой. Но если присмотреться, можно было заметить, что эта чернота была бездонной, и в ней, кроме алчности и кровожадности, не было ничего.

Линь Сян уговаривал Да Хэя продать лук династии Хань на антикварном рынке. Да Хэй поначалу не соглашался. Для практикующего совершенствование истины присвоить вещь собрата по Дао — не беда, но выставить украденное на продажу нагло и открыто? Как только этому могло прийти в голову!

— Да Хэй, дома скоро совсем не останется риса...

— Нет риса — иди продавай женьшень!

— Редкость создает цену. В этом месяце я уже продавал его один раз. Если пойду продавать снова, он будет стоить как китайская капуста.

— Неужели так серьезно?

— Да Хэй, только в этот раз, ладно?

Да Хэй пристально посмотрел на Линь Сяна некоторое время, затем произнес:

— Линь Сян, не думай, что я действительно не знаю цен на рис, соль, масло и уксус. Аренда и коммунальные услуги вместе взятые не могли мгновенно истощить все деньги, которые ты получил за женьшень. Скажи мне правду, что случилось?

Линь Сян почесал голову и вздохнул.

— Я просто не могу ничего поделаться...

— Что значит «не можешь»? Должна же быть причина?

Линь Сян обнял Да Хэя и сжал его лапу. На самом деле, большую часть денег от продажи женьшеня он отправил домой. Раньше, чтобы оплатить учебу Линь Сяна, родители с утра до ночи трудились в поле. После окончания учебы родители зажили вольготно, но в прошлом месяце пришло письмо: у отца снова обострилась старая болезнь, его положили в больницу. Линь Сян как раз нашел работу и отправил домой все накопления. На следующий день Да Хэй проглотил тысячелетний нефритовый мозг, а дальше все уже известно...

— Я отправил деньги за женьшень домой. Да Хэй, ты хоть и говорил мне, что практикующий совершенствование истины должен отрешиться от мирских уз, но я не могу этого сделать. По крайней мере сейчас. У моих родителей плохое здоровье, а я не могу найти работу. Я просто хочу, чтобы они жили немного лучше...

Эти слова Линь Сян не хотел произносить. Перед Да Хэем он всегда казался простоватым и бесхитростным, о семейных делах он говорил впервые. Как бы хорошо Да Хэй к нему ни

относился, некоторые вещи Линь Сян предпочитал не обсуждать. У каждого есть секреты, которые не рассказывают даже самым близким.

Да Хэй, видя, что Линь Сян молчит, наклонил голову набок. Он не мог понять тех семейных привязанностей, о которых говорил Линь Сян, но знал, что Линь Сян — человек, который помнит добро. Этого было достаточно. Что касается того лука, пусть продает. Видимо, Линь Сян действительно не любит Ли Эра и хочет избавиться от его вещей.

— Ну...

Только Да Хэй открыл рот, как Хэнгун внезапно набросился на него. Да Хэй был оттеснен яростным напором, Линь Сян тоже вздрогнул и поднял голову. Перед ним было лицо, покрытое слезами и соплями. Он мысленно ахнул, и в следующую секунду его мозг пронзил оглушительный звук.

— Уааа...

Хэнгун разрыдался, обнимая окаменевшего Линь Сяна, и при этом что-то говорил с перерывами на рыдания. Линь Сян, несмотря на головокружение, смог разобрать смысл слов рыба: она вспомнила родителей у озера Шиху, ее накрыло печалью, и она не смогла сдержать слез.

— Э... ты... мо... жешь... по... ти... ше...

Линь Сян произнес это дрожащим голосом, почти синхронно со звуковыми волнами Хэнгуна. Да Хэй спрятался под журнальным столом, прижимая лапы к ушам, и посмотрел на малыша-женшенья, который тоже свалился сюда, спасаясь от беды. Этот пухлый малыш съел половину плода Инь-Ян и стал еще круглее.

Прошло почти целое столетие, прежде чем Хэнгун наконец перестал плакать. Линь Сян постучал по голове, которая все еще гудела. Настоящее мучение. Однако над головой Линь Сяна вдруг раздался звук «динг», и он странно посмотрел на Хэнгуна.

— Эй, Хэнгун, в детстве за тобой ухаживал отец или мать?

— Отец. А что?

— А ты в детстве часто плакал?

— Отец говорил, что в детстве, как начну плакать, не могу остановиться. Один раз плакал три дня и три ночи подряд.

— Гх...

Три дня и три ночи? Этот ужасный звук? Линь Сян хлопнул себя по груди. Настоящая сильная рыба! Неудивительно, что он смог найти жену — Хоу.

Да Хэй наконец смягчился и разрешил Линь Сяну использовать тот лук династии Хань, чтобы заработать немного денег. Если Ли Эр придет требовать свое, можно будет отдать ему корень женшенья в качестве уплаты. Линь Сян подсчитал на пальцах — выгодно! В его глазах обменять редьку на антиквариат — очень выгодная сделка! К тому же слова Да Хэя развеяли то небольшое чувство вины, которое Линь Сян испытывал за то, что взял чужую вещь и не вернул, а теперь еще и хотел продать.

В тот вечер Линь Сян, что было редкостью, не медитировал, а лежал с закрытыми глазами, планируя, как торговаться на антикварном рынке завтра. Если не удастся продать дорого, не стоит ли обойти несколько мест? И еще, разве Да Хэй не говорил, что плод Инь-Ян редкость? Если бы он смог сделать подделку и продать тем собратам по Дао, которых вот-вот ударит молния, будь то за деньги или за магическое сокровище, это был бы беспроектный бизнес! Плод Инь-Ян был размером с яблоко, на вкус кисло-сладкий, больше похож на гранат... А насчет того, гарантирует ли он, что от молнии не умрешь, какая разница? Никто же не требует гарантии на фрукты... А если те, у кого выше уровень совершенствования, увидят такой плод и захотят отобрать его, Линь Сян пока об этом не думал. Тем более, слева у него Байху, справа — Хэнгун, на запястье — Яюй, а в руках — малыш-женьшень, который хочет кусать все, что видит. Хотите отобрать? Даже если получится, откусят кусок мяса!

Линь Сян, этот парень уже несколько месяцев не пробовал мяса. Когда он платил за электричество, то забыл чек и просто спросил в банке: «Сколько стоит мясо за два месяца?». Кассир просто опешил: хочешь купить мясо, зачем спрашиваешь в банке?

Линь Сян лежал в кровати с выключенным светом, думал об этом и все больше радовался, не удержавшись от хихиканья. Да Хэй, лежащий рядом, вздрогнул от смеха Линь Сяна, шерсть на нем встала дыбом. Хэнгун в ванной пытался нырнуть на дно. Малыш-женьшень, обнимая косточку плода Инь-Ян, сладко спал, зарывшись в землю.

На следующее утро, закончив умываться, Линь Сян пожарил рыбу для Да Хэя, бросил две живые рыбы Хэнгуну, чтобы тот мечтал о немецком трехцветном карпе в раковине, не заботясь о том, нанесет ли это психологическую травму рыбе. Собрав вещи, он взял Да Хэя на руки, завернул лук в старую одежду и собрался выходить.

Едва он подошел к двери, как почувствовал что-то неладное. Обменявшись взглядами с Да Хэем, Линь Сян положил лук и встряхнул золотой браслет на руке. Вспышка черного света, браслет превратился в длинный меч в руке Линь Сяна.

Прижавшись к двери, Линь Сян посмотрел в глазок. За дверью стояли мужчина и женщина. Пока он недоумевал, женщина достала что-то из сумочки и приложила прямо к глазку.

Линь Сян дернулся. Цинцзи?!

Хм, это дело серьезное.

Линь Сян сидел на диване, потирая подбородок. Да Хэй лежал у него на коленях. Напротив сидели родители Хэнгуна, а Цинцзи, который чуть не украсил входную дверь Линь Сяна, смиренно сидел на журнальном столе. Его глаза были красны от плача, он икал, выглядел крайне жалким.

— Рассказывайте, что тут случилось?

<http://bllate.org/book/16777/1542365>